

№ 1504

—

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ

СУББОТА 26 МАРТА 1960

•

SAMEDI 26 MARS 1960 TREIZIEME ANNEE

Prix : 0,60 NF

РУССКАЯ МЫСЛЬ

„Новый Журнал“

Книга 58-ая

ЧАСТЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

ПЯТЬДЕСЯТ восьмой выпуск «Нового журнала» открывается портретом недавно скончавшегося его редактора, профессора М. М. Карповича и рядом статей, посвященных его памяти — Г. В. Вернадского, Фируза Каземзаде, М. Вишняка и Р. Гуля.

Литературный отдел начинается интересной записью И. А. Бунина 1916 года.

И. А. Бунину захотелось, как он говорит, «написать пушкинский рассказ. Приходило в голову заглавие «Игроки».

В. Муромцева-Бунина приводит первый текст «Игроков», с замечкой И. А. Бунина о зарождении этих стихов».

«Черная болезнь», рассказ Нины Берберовой, написан с большим умением и психологически убедительно.

Герои ее — русский вдовец, переселившийся из Парижа в Америку, русская танцовщица Ала, вселившаяся к нему в Париже за плату, чтобы после его отъезда, в качестве подруги, наследовать его комнату (борьба с жилищным кризисом), старый русский богач в Нью-Йорке, у которого служит секретарем герой и дочь богача, влюбляющаяся

в него — все тронуты в той или иной мере «черной болезнью», души всех надломлены, все — замкнуты в безвыходный круг сосредоточенности на своем, слишком личном, мешающим жить, чувствовать и любить нормально.

Подобно тому почерневшему брильянту в серье, которым нечестный ювелир подменил выкупленный из ломбарда залог героя рассказа, души всех тоже с роковой чернотой — и нужно отдать должное автору, он интересно показывает нам таких людей, на фоне реальной жизни и нереального, придуманного героем, фантастического Чикаго, — прибежища, куда он спасается от самого себя.

Саломея, героиня рассказа Г. Газданова «Судьба Саломеи», принадлежит к той же категории больных и опустошенных душ, что и героиня рассказа Н. Берберовой, но только она действует не в обыкновенной обстановке, а во время войны и первых, неблагоприятных, послевоенных лет.

Рассказ написан мастерски, портрет героини и весь ее стиль настолько типичен для Монпарнасса предвоенных лет, что невольно вспоминается несколько живых лиц,

отдельные черты которых — и даже судьба переплавлены и слиты автором в образе Саломеи.

Но Саломея, тяжело раненая немцами во время «сопротивления» и спасенная молодым итальянцем сапожником, дойдя до дна безвыходности, ищет спасения в любви с итальянцем, начинает новую жизнь, считаясь умершей для Монпарнасса и для своего прежнего возлюбленного, художника Андрея.

Здесь, быть может, Г. Газданов символически указывает на возможность выхода для опустошенных и безприютных душ, хочет найти противоядие против «черной болезни»?

Однако, души людей «тридцатых» (и, вероятно, — теперь — «шестидесятых») годов здесь, за рубежом, никак не могут вырваться из узкого круга интересов трехмерного плана, их внутренняя атмосфера остается безбожной и безблагодатной, о Боге они никогда не вспоминают.

Справедливо возражая против безбожной тенденции «там», мы как-то не обращаем внимания на то, что и у нас, в атмосфере абсолютной свободы, литература не очень спиритуальна.

Необходимо издать отдельной книгой посмертные стихи Георгия Иванова, это будет лучшим памятником ему и в то же время станет свидетельством его трагического внутреннего опыта. Действительно, в своих последних стихах Георгий Иванов с предельной ясностью сумел подвести итог своему «земному хождению по мукам» и в то же время до конца остаться верным поэзии:

...Луна закатилась за тучи, а я
Кончаю земное хождение по мукам,

Хождение по мукам, что видел
во сне —

С изгнанем, любовью к тебе и
грехами.

Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию —
стихами.

Ирина Одоевцева принадлежит к тем поэтам, которые все время идут вперед, меняя свою формальную манеру.

Если судить по ее последним стихам, Ирина Одоевцева ушла уже далеко от «Контрапункта» и «Стихов во время болезни». В ее новых стихах характерной чертой является всегда интересное, несколько сюрреалистическое, сплетение образов с прихотливым ритмическим рисунком — отступлениями, переборами и переходами, как, например, в «Бессонице» и в стихотворении с ремизовским изречением:

«Человек человеку бревно».
Это Ремизов где-то давно
Написал. И как правильно это —
Равнодушие сживает со света
Одиноких и плачущих. Но
Для бродяги, глупца и поэта,
У которых мозги набекрень,
Одиночество — чушь, дребедень,
Трын-трава!...

Своеобразны также переходы и в третьем стихотворении:

...Закатные розы в саду,
На небе закатная роза
И те огорченья и эти
В победно-лучистом свете
Заката апофеоза...

От навыков, полученных в советской атмосфере, очевидно, не легко

освободиться даже такому талантливому поэту, как И. Елагин.

Его «Небо», в трех отделах, написанное явно под Маяковского и типографски расположенное «уступчатой лестницей», слишком напоминает прошлую эпоху. Поэт как будто задался целью воспроизвести некоторые отрицательные стороны поэзии Маяковского, его грубость и «газетные» рассуждения:

...Мы землю
не засоряем отбросами,
рассадниками эпидемий!
Отбросы —
атомными насосами
вышвыриваются

в верхнюю темень...
и т. д.

Неужели же И. Елагин всерьез принимает это за поэзию?

В цикле из шести стихотворений Екатерины Таубер некоторая неудачная рассудительность

(...«Сваданья драгоценный клад,
Сам ставший собственной уз-
дою...»)

сочетается с конкретно-зрительными образами (стихотворения третье и пятое), что, на наш взгляд, более удачно:

...Что проще этого? Спят ведра на
колодце
И полотенце сохнет на сосне.
Плеснуть водой, нагретой крепким
солнцем,
Обмыть лицо и руки в полусне...

Уклон к сновидческим состояниям проявляет Н. Туроверов в хорошем стихотворении «Полустанок», в котором есть движение.

Стихотворение «Отец», состоя-

щее из вопросов-ответов гораздо слабее.

О поэзии В. Корвин-Пиотровского, в связи с выходом в свет его новой книги стихов «Поражение», в ближайшем будущем мы хотим подробно поговорить.

В отчетном выпуске «Нового журнала» отметим его «Фарфор» — мастерски сделанные стихи о фарфоровой чашке

с глубоким переливом
И золоченым ободком...

интересные своим легким, летящим ямбом и точно-найденными образами. Стихотворение «Корделия», и по содержанию и в стилистическом смысле менее удачно.

Просты и приятны по своему душевному составу, ритмически приближающиеся к манере А. Блока, стихотворения Семена Лифтона «Родине» и «Я в лесу хожу, как будто собирая...»

В двух своих изящных стихотворениях «Черный сад в снегу новогоднем» и «Повторяется, все повторяется...» Юрий Трубевкой верен своей постоянной лирической теме о безвыходности нашего существования и о далеком потерянном.

Не берусь высказываться об Александре Туроверове по одному маленькому стихотворению.

В стихотворении Анатолия Великовского неуклюжая последняя строчка: — «Ах да, мне нужно по-купать салат», снижает и срывает хорошее впечатление.

В своей статье «О чем говорил Чехов» Георгий Адамович очень верно отметил характерную черту Чехова — скромность, сдержанность, соединяющую его, как бы минуя

Достоевского и Толстого, с Пушкиным, «гением сдержанности», от которого наша литература «вырвалась из-под его духовной власти чуть ли не сразу после его исчезновения».

— «Чехов», — говорит Георгий Адамович, — «это послесловие к Пушкину и к великой после-пушкинской русской литературе, заключение ее, не выдуманное, а будто продиктованное самим духом жизни, Чехов — это комментарий к ней, после того, как драма уже сыграна, подсчет былых надежд и реальных возможностей, нечто вроде «итога» и перехода к очередным делам».

Георгий Адамович также несогласен с Буниным и Л. Шестовым, считавшими Чехова «писателем жестоким, беспощадным», тем более, что Шестов сказал о Чехове не совсем так, как его понял Бунин:

— «По Шестову Чехов одушевлен был страстью уничтожения. «В руках Чехова все умирало». Это подмечено правильно, но если тут и есть беспощадность, то обращена она исключительно на взгляды, идеи, теории, системы, принципы, никак не на самого человека. Наоборот, человек, оставшись без привычной опоры, вдвойне заслуживает помощи».

Статья Ирины Одоевцевой «О Николае Моршене» написана в оригинальной и новой манере.

Это не сухой разбор достоинств и недостатков стихов поэта, как обычно принято, а проникновение в их эмоциональную стихию, увлечение ими, увлекающее и читателя.

Возможно, что Марина Цветаева права в своем несколько парадоксальном утверждении, что о поэзии

должны писать только поэты, которые не могут относиться равнодушно к стихам, а судят их творчески, будто соучаствуя, и тем самым заставляя и читателя соучаствовать в их создании.

Верна высказанная Ириной Одоевцевой мысль о русском человеке в Советской России, отраженном в творчестве Н. Моршенина и Б. Пастернака:

«В заключение мне хочется только поставить имя Моршенина рядом с именем Пастернака. Но не для того, чтобы сравнивать их стихи. Нет, я думаю сейчас не о стихах Пастернака, а о «Докторе Живаго». О докторе Живаго, не потерявшем своей личности, своего «я», сумевшем не быть раздавленным коллективом, не раствориться в нем. Эта победа личности и сближает его с Моршенином. Моршенин, как Пастернак, пример того, что русский человек может, даже в «Страшном Мире», сохранить себя».

В статье «Николай Заболоцкий» В. Завалишин анализирует поэзию одного из самых одаренных поэтов, Николая Заболоцкого, хорошо известного также и зарубежным читателям, о Заболоцком еще до войны много писали в эмиграции.

Связанный в начале с формалистами и Хлебниковым, Заболоцкий «продолжил и углубил эту Хлебниковскую линию преодоления «беспредметной поэзии», — говорит В. Завалишин.

Затем он продолжал «поиски новой формы», а подвергшись гонению и побывав в ссылке, поворачивает к классицизму — по мнению Завалишина — отчасти под влиянием официальной критики, направ-

лявшей, начиная с тридцатых годов, всю новую поэзию в классическое русло.

Можно пожалеть, вместе с Завалишиным, что Заболоцкий был принужден насильственно отойти от своей прежней линии, но нужно признать, что все же в последний период своей жизни он создал ряд прекрасных стихотворений, и, вспоминая «Торжество земледелия», быть может, предпочесть его стихи «после поворота».

Интересно: будучи в тюрьме, Заболоцкий писал стихи о смерти и о любви, переключаясь с Тютчевым.

В статье «Памяти Гоголя», В. Зеньковский, указав на опасность впасть в односторонность, «выхватывая ту или иную сторону в идейной жизни Гоголя, вместе с Д. Чижевским утверждает, что «за внешним сюжетом (у Гоголя) постоянно проступают иные темы, в которых скрыта художественная острота и сила данного произведения».

Развивая в дальнейшем изложении это положение, В. Зеньковский убедительно вскрывает корни духовных и религиозных исканий Гоголя.

Письма Марины Цветаевой к Роману Гулю (1922—1924) не очень содержательны.

С обычным своим эгоцентризмом, Марина Цветаева дает Р. Гулю множество поручений, касающихся ее литературных дел, переписки с Борисом Пастернаком и т. п.

В библиографическом отделе отметим отзывы В. Варшавского о сборнике «Воздушные пути» и Ирины Одоевцевой — о книге Елены Рубисовой «Нью-Йорк».

Ю. Терапиано